

Handwritten text in a cursive script, likely a medical or anatomical treatise, located at the top of the page.

Ния Ченвеш

Пьяный хирург

рассказ

Handwritten text in a cursive script, likely a medical or anatomical treatise, located below the anatomical drawing.

Handwritten text in a cursive script, likely a medical or anatomical treatise, located at the bottom of the page.

Ния Ченвеш
Пьяный хирург. Рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29608520

SelfPub; 2018

Аннотация

Он держит удачу за хвост, но не очень счастлив. Он не превзойден, но выпивает. Жизнь удалась, но странно повернулась. Есть ли предел совершенству?

Пот застилал глаза, рука то немела, то пыталась вырезать скальпелем некий вензель, затылок был напряжен так, что казалось, его затылочно-лобная мышца сократилась вдвое и подтянула глаза на середину лба.

Любой хирург после 7 часов непрерывного стояния над операционным столом мог чувствовать подобное, но он точно знал, что виной тому последние пять рюмок, выпитые вчерашним вечером.

Тиканье часов отдавало в желудке тошнотворными толчками, и в такт им он костерил друга детства и свою слабохарактерность.

Его талант вряд ли можно было пропить, но последнее время организм мстил за каждую дозу алкоголя неподконтрольным поведением: то расслаблением ни ко времени, то дерганием рук не к месту.

Все чаще он ловил себя на том, что после операции неоднократно прокручивает в голове ее ход и сомневается в доскональности, поскольку не может припомнить некоторые моменты. Они просто начисто стирались из памяти.

Но гадкое чувство постыдной оплошности обычно при-туплялось завистливыми аплодисментами коллег и горячей благодарностью пациентов. Вот и сейчас он с ужасом осознал, что не может вспомнить ход операции получасовой давности.

Операция закончена и наконец, можно накладывать швы,

он уже открыл рот, чтобы бросить заветную фразу ассистенту, как явственно почувствовал на спине между лопаток прикосновение чьей-то ладони, мягкой, но требовательной.

Сквозь моментально окаменевший мозг с трудом проползла одна мысль – «допился». Он знал, что может поднять голову и посмотреть в стекло напротив кто это за его спиной. Но остатки застывшего от ужаса разума подсказывали ему, что расстояние между ним и недавно приобретенным светильником не позволит поместиться там даже листу фанеры.

Мышцы глаза еще повиновались ему, и он судорожно посмотрел направо и налево, пересчитывая руки ассистентов.

«Может у кого-то из них есть тайная третья рука...» – попробовал съязвить рассудок.

Коллеги в благоговейном ожидании уставились на него, – он тупо смотрел в брюшную полость пациента. Напряжение нарастало.

Но он еще был в том статусе, когда каждый его шаг воспринимался как проявление небывалой гениальности. Дай он сейчас команду тихим голосом залезть всем под операционный стол – все без колебаний выполнили бы это. Его рейтинг всесильности зашкаливал, потому у него было время прийти в себя не вызывая подозрений.

Ситуацию разрядил громко выругавшийся ассистент, указав на нарастающую пульсирующую струйку крови. Натасканная команда без его распоряжений кинулась выполнять

необходимые манипуляции...

Вечером в межэтажной курилке родилась новая легенда о сверхспособностях шефа. Его мрачность и абсолютное безмолвие после операции все объяснили вероятностью серьезных осложнений у пациента, наложи они швы сразу.

Но отмену всех консультаций и немедленное бегство из клиники объяснить никто не мог. А он впервые в жизни не знал, что делать. Остановив машину у обочины, он судорожно перелистывал контакты в телефоне, силясь вспомнить толкового однокурсника с талантом к психиатрии. Никто не вспомнился.

Так он сидел в оцепенении пока не стемнело. Его привел в себя звук колоколов. Глухой тяжелый и протяжный звук как будто встряхивал нутро, а несколько звонких и певучих как будто зазывали, одобряли.

Он вышел из машины и как уставшая змея тянется за мелодией флейты, поплелся на зов. В церкви людей было мало, он пристроился на скамеечку в уголке, да так и просидел всю службу.

Ничего не понял, ничего не предпринял, ничего не почувствовал. Но запах ладана и воска напомнили беспечное детство, любимую бабушку. Она часто разогревала ладан в большой почерневшей ложке и кадила им комнаты, громко распевая какую то молитву. Закончив, она говорила притихшим внукам: «Все. Если какая нечисть и пряталась по углам, то теперь точно сгинула».

Потом обязательно подхватывалась и вскрикивала: «Ой! В шкафу то забыли!!!» И бегом бежала с коптящей ложкой к большому черному шкафу и открывала створки. Как правило, внуки зажмуривали глаза, боясь увидеть там кого-то ужасного.

«Теперь точно чисто!» – победоносно говорила бабушка, и дети смело озирались по сторонам.

От воспоминаний его отвлекла суета прихожан, все кинулись к уходящему батюшке, сложив ладони, как будто чего-то прося...

Поднялся и он: «И меня батюшка от нечисти...» Рука священника зависла в воздухе.

– Ну благо хоть не от экономического кризиса, – добродушно прогудел батюшка. – Вы впервые?

Завязалась беседа. Батюшка был стареньким, слегка подслеповатым, но иногда так пристально и пронзительно смотрел, что пробегали мурашки по спине.

На вопрос, как отличить белую горячку от нечисти, батюшка добродушно расхохотался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.